

Благородный муж действует словом, а не силой

Этот удар произвёл эффект не меньший, чем если бы кто-то разворошил осиное гнездо. Окружающие книжники тут же зашумели, пустившись в пересуды.

Как гласит старинная мудрость: «Благородный муж действует словом, а не силой». Все они были учёными людьми и величали себя не иначе как «образованными мужами». Где же это видано, чтобы кто-то пускал в ход кулаки, едва не сойдясь в доводах?

Получивший удар студент поначалу замер, не в силах поверить в случившееся, а затем, вспыхнув от ярости, бросился было на Чу Цы, желая вцепиться в него. Окружающие тут же обступили Чжу Цзе, удерживая и пытаясь урезонить.

Чу Цы, не двигаясь с места, лишь холодно усмехнулся. Он наклонился, подобрал свои книги и принялся бережно смахивать с них прилипшую грязь.

— Человек сам навлекает на себя позор, прежде чем его опозорят другие. Надеюсь, ты запомнишь сегодняшний урок и впредь не станешь лезть на рожон ради чужих интересов.

Бросив эту фразу, юноша направился к воротам училища.

Грудь студента тяжело вздымалась. Видя, что все смотрят на него с нескрываемым осуждением, он почувствовал, как остатки его достоинства тают на глазах. Издав яростный крик, Чжу Цзе вырвался из рук товарищей и, сжав кулаки, бросился вслед за Сюцаем Чу.

Чу Цы не ожидал такой прыти. Когда он обернулся на крик, кулак уже летел ему прямо в лицо.

«Ах ты, паршивец!»

Юноша успел лишь мысленно выругаться и зажмурился, готовясь принять удар.

Однако боли он так и не дождался. Разомкнув веки, Чу Цы увидел крепкую ладонь, которая, вынырнув из-за его плеча, намертво перехватила кулак нападавшего.

Эта рука казалась воплощением мощи: пальцы так сильно сжали запястье Чжу Цзе, что лицо того исказилось от боли, и он едва не взвыл.

Сюцай Чу оказался совсем рядом с незнакомцем. Сквозь ткань одежды он почувствовал исходящий от его руки жар — казалось, ещё немного, и можно будет ощутить биение пульса

под кожей.

Он поспешно развернулся, но из-за того, что спаситель стоял слишком близко, едва не уткнулся ему в грудь. Не теряя самообладания, Чу Цы отступил на шаг и сложил руки в почтительном поклоне:

— Премного благодарен брату за то, что вступился за меня. Ваша помощь неоценима.

— Пустяки, дело нехитрое, — отозвался незнакомец. Голос его звучал низко и гулко, подобно утреннему колоколу в училище, но приятно.

Чу Цы поднял глаза, и перед ним предстал статный муж. Мечевидные брови его круто уходили к вискам, взгляд был глубоким и пронизательным, а переносица — прямой и твёрдой. Тонкие губы плотно сжимались, а на щеке виднелся шрам. Впрочем, этот изъян ничуть не портил его облика, а лишь придавал лицу мужественности.

На мгновение юноше показалось, будто перед ним стоит суровый полководец в тяжёлых доспехах. Но, моргнув, он увидел лишь человека в простом платье, который смотрел на него спокойно и доброжелательно.

— То, что для брата — мелочь, для меня — избавление от боли. Я в большом долгу перед вами. Меня зовут Чу Цы, я ещё не обрел второго имени. Могу ли я узнать почтенное имя моего спасителя?

— Не стоит таких слов. Я Коу Цзин, моё второе имя — Мочжи.

— Коу Цзин? — переспросил он. — Пишется ли имя ваше как «Цзин», что значит «умиротворение», как сказано: «Муж пребывает в умиротворении, чтя старших и благородных»?

— Нет, это «Цзин», что означает «тишина», — пояснил Коу Цзин.

Коу Цзин пришёл в училище ради своего маленького племянника. Несколько дней назад он вернулся со службы и первым делом отправился к родовым могилам, чтобы почтить память родителей и сестры.

Его сестра, чья красота была недолговечной, оставила после себя лишь единственного сына. Согласно её последней воле, мальчик должен был провести три года в уезде Юаньшань, прежде чем вернуться в столицу. И всё это время его обучение не должно было прерываться.

Хотя семья могла позволить себе нанять домашнего учителя, Коу Цзин считал, что мальчику пойдёт на пользу общество сверстников. Поэтому ранним утром он отправился навестить своего прежнего наставника, а ныне главу академии, надеясь устроить племянника на учёбу.

Глава Кун из-за внезапно прибывших гостей попросил мужчину немного подождать. Тот, не желая сидеть без дела, решил прогуляться по знакомым местам, где когда-то сам провёл немало лет. Правду сказать, он с самого начала стоял неподалеку и слышал весь спор, но, помня правило «не слушай того, что тебя не касается», не спешил вмешиваться. К тому же этот книжник так ловко отбивался от толпы, что помощь ему явно не требовалась.

Лишь когда он увидел, что острому на язык студенту грозит беда, он решил вмешаться.

Пока они беседовали, Чжу Цзе, чья рука всё ещё была зажата в тисках, не выдержал:

— Ты кто такой?! С чего это ты вздумал ему помогать? Нечего чужакам лезть в дела нашего училища! Проваливай!

— Чжу Цзе, придержи язык! — раздался строгий голос. К ним вышел пожилой человек с суровым лицом. — Это сын господина Коу, который в шестнадцатый год эры Цзяю стал цзиньши. Он и сам когда-то обучался в этих стенах.

Коу Цзин в своё время получил степень цзюйжэня, но из-за шрама на лице путь к столичным экзаменам для него был закрыт. Он мог бы до конца дней жить в праздности, почивая на лаврах, но юношеские амбиции не позволяли ему прозябать в безделии. Тогда он сменил кисть на меч и записался в военное сословие.

В нынешние времена Великая династия Вэй всё больше ценила слово и презирала силу. Выбор Коу Цзина многие сочли падением. Главный экзаменатор того года, решив, что у его подопечного не осталось и капли благородства учёного мужа, одним росчерком пера лишил его звания цзюйжэня. Именно поэтому глава Кун, представляя его, не упомянул о прежних заслугах.

Мужчина разжал пальцы, освобождая Чжу Цзе, и повернулся к главе академии с виноватым видом:

— Прошу прощения за свою несдержанность, учитель. Мой порыв был неуместен.

— Твоей вины здесь нет. Ты вмешался вовремя, не дав случиться худшему. А вы двое — за мной, — глава Кун с нескрываемым раздражением посмотрел на Чжу Цзе и Чу Цы. — Устроить драку прямо у ворот училища... Какой позор для образованных людей!

Старый наставник зашагал впереди, заложив руки за спину. Весь его вид выражал крайнее недовольство. Чжу Цзе, фыркнув, поспешил за ним — явно намереваясь первым изложить свою версию событий. Чу Цы лишь горько усмехнулся: формально виноватым считался тот, кто ударил первым, но о своём поступке он ничуть не жалел.

Коу Цзин взглянул на юношу и как бы невзначай указал рукой на странное строение возле

каменного моста.

Чу Цы проследил за его жестом и увидел небольшую пагоду — шестигранную, с узкими отверстиями, стены которой были покрыты следами копоты. Всё здание дышало стариной.

«Что же это за башня?»

В раздумье нахмурился он. И тут в голове юноши вспыхнула догадка. Он посмотрел на измазанные грязью книги в своих руках и невольно улыбнулся. Теперь он знал, что делать.

— Благодарю, — беззвучно, одними губами поблагодарил он Коу Цзина.

Тот лишь слегка кивнул в ответ. Как он и думал, этот книжник оказался на редкость сообразительным.

Глава Кун привёл их в пустой класс и, оправляя полы халата, уселся во главе стола.

— Ну, рассказывайте. Из-за чего вы сцепились?

— Учитель! — вскричал Чжу Цзе. В присутствии главы академии его дерзость сменилась образом безвинно пострадавшего. — Я всего лишь хотел обсудить с этим Чу пару вопросов, но он, не найдя доводов, набросился на меня с кулаками! Посмотрите на моё лицо — это его работа! И мало того, после удара он принялся осыпать меня насмешками. Моё сердце не выдержало такой несправедливости, и я решил ответить...

— Чу Цы, так ли всё было? — глава Кун не спешил с выводами. Он повернулся к юноше, который стоял рядом с видом спокойным и невозмутимым.

— Приветствую главу академии, — Чу Цы сложил руки в поклоне. — Скрывать не стану: удар нанёс я первый. Учителя наставляли нас быть честными, и я не смею лгать вам. Однако причина моего поступка вовсе не в личной неприязни или несдержанности, как утверждает брат Чжу, а кроется в ином.

Чу Цы замолчал, почтительно ожидая дозволения продолжить.

— Говори, я слушаю, — лицо главы Кун чуть смягчилось, а голос стал спокойнее.

— Благодарю. Сперва прошу вас взглянуть на эти книги, — он бережно положил свою ношу на стол перед главой академии.

— «Лунь Юй», «Мэн-цзы», «Ши цзин»... Отрадно видеть, что даже дома ты не расстаёшься с

учением, — наставник одобрительно погладил бороду, но, перевернув пару страниц, внезапно нахмурился: — Постой, отчего они в таком ужасном состоянии? Как можно столь небрежно обращаться с мудростью предков?

Для любого учёного эти книги были святыней, и глава Кун не был исключением. Вид испачканных страниц мгновенно испортил ему настроение.

— Прошу прощения, учитель, но я не могу согласиться с вашим упрёком, — голос Чу Цы дрогнул от притворной обиды. — Я всегда чтил книги и никогда не позволял себе портить их. Я свято храню завет «почитания и бережного отношения к исписанной бумаге». Даже когда нужда стучалась в двери, я не позволял себе использовать исписанную бумагу для чёрных нужд. Все черновики я прилежно собирал и сжигал в Башне сокровищницы иероглифов. Могли ли я, чтя каждое слово, осквернить книги мудрецов?

Башни сокровищницы иероглифов, или Павильоны почитания иероглифов, стояли в каждом городке. Даже в домах богачей порой находилось место для такого очага. В училище такая пагода тоже была — у каменного моста, чтобы студенты могли с должным почтением предавать огню свои труды.

— Тогда откуда на них эта грязь?

— Я беседовал у ворот с братьями Ци и Хэ, у которых возникло ко мне некоторое недоразумение. Мы только пришли к согласию, и они уже готовы были признать свою неправоту, как вдруг брат Чжу бросился ко мне. Не глядя на то, что я прижимаю к груди священные каноны, он грубым ударом выбил их из моих рук прямо в дорожную грязь! Вне себя от гнева при виде такого кощунства, я и поднял на него руку. Сейчас я понимаю, что был слишком порывист. Мне следовало не гневаться самому, а привести этого человека к вам, дабы вы рассудили его неуважение к мудрецам. Прошу вашего наказания за мою горячность, — Чу Цы виновато склонил голову.

Лицо Чжу Цзе вытянулось. Он и не думал, что оппонент обернёт дело таким образом!

Но пуще всех изменился в лице глава Кун. Он сурово посмотрел на Чжу Цзе:

— Так ли всё было?

— Учитель... Я... я не знал, что у него в руках каноны. Я думал, это просто его записи...

— Хлоп!

Глава Кун с силой ударил ладонью по столу.

— Нелепость! Даже если бы это были простые записи, ты не имел права швырять их в грязь! С

первых шагов в учении наставники должны были вложить в тебя уважение к письменам и к труду тех, кто создал нашу грамоту. В училище каждый год мы совершаем обряд в Башне сокровищницы иероглифов. Неужто за годы учёбы ты так ничего и не усвоил?!

Чжу Цзе, побледнев как полотно, поспешно поклонился:

— Виноват, учитель! Ваш наказ свят для меня, я просто оговорился! Прошу, не гневайтесь, я немедленно принесу ему извинения!

Он-то надеялся, что спровоцировав Чу Цы на драку, добьётся его изгнания, а в итоге сам оказался в роли осквернителя святынь.

— Брат Чу, бес попутал меня, я не хотел пачкать священные книги. Прошу тебя, прояви величие души, прости меня на этот раз.

Он говорил подчёркнуто смиренно, рассчитывая на одно: если Чу Цы продолжит настаивать, глава Кун сочтёт его мелочным и мстительным.

Но юноша не собирался попадаться в эту ловушку.

Он лишь мягко улыбнулся:

— Брат Чжу, не стоит извиняться передо мной. Главное — чтобы ты навсегда запомнил наставление учителя. И я тоже прошу прощения за тот удар. Я был слишком порывист, каюсь.

Безупречные манеры Чу Цы выгодно подчёркивали грубость Чжу Цзе. Симпатия главы Куна к юноше невольно возросла.

«Жаль, что он не мой ученик... С такой выдержкой и умом он многого добьётся».

Итог был краток: Чжу Цзе в наказание должен был переписать все испачканные книги, а затем отправиться к Башне сокровищницы иероглифов, чтобы сжечь испорченные листы и молить о прощении. Чу Цы же, хоть и проявил несдержанность, действовал из почтения к мудрецам, а потому не понёс наказания.

Чжу Цзе понуро принял кару, но в душе его закипела ненависть. Уходя, он бросил на Сюэя Чу косой взгляд, полный нескрываемой угрозы.

Тот лишь мысленно усмехнулся. Пускай пробует что хочет — если он не изведёт этого наглеца, то грош ему цена.

Когда с делом было покончено, глава академии и Коу Цзин удалились в кабинет, а Чу Цы отправился искать своего учителя, дабы расспросить его о тонкостях сложения од и стихов.

<http://bllate.org/book/15354/1420492>